

УДК 821.511.1(045)

**ПЕРЕВОДНЫЕ ТЕКСТЫ В. А. ИСЛЕНТЬЕВА
И ИСТОКИ УДМУРТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**TEXTS IN TRANSLATION BY V. A. ISLENTYEV
AND THE ORIGINS OF THE UDMURT LITERATURE**

В. К. Кельмаков

V. K. Kelmakov

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск

Аннотация. Удмуртские тексты различных жанров и содержания, переведенные с русского и старославянского языков В. А. Ислентьевым (и его консультантами и помощниками) и включенные в учебно-методические пособия для удмуртских школ Елабужского уезда Вятской губернии, вполне могли бы быть интерпретированы как одни из ранних произведений зарождающейся удмуртской литературы. Однако современная удмуртская филологическая наука еще не пришла к их объективной оценке с литературоведческих позиций.

Abstract. The article makes an attempt to interpret and classify the Udmurt texts of various genres and contents as the origins of the Udmurt literature. These texts were translated from Russian and Old Russian by V. A. Islentyev in collaboration with his consultants and assistants and then included in schoolbooks to teach first Udmurt students of Elabuga district in Vyatka region. However, the Udmurt philological science has not yet come to the objective evaluation of the heritage from literary point of view.

Ключевые слова: *возникновение и первоначальное развитие удмуртской литературы, переводные тексты, литературные жанры, учебно-методические пособия, стихи, литературоведческая интерпретация.*

Keywords: *origin and early development of the Udmurt literature, texts in translation, literary genres, teaching aids, poems, literary interpretation.*

Актуальность исследуемой проблемы. В связи с включением удмуртских литературоведов в разработку проблемы истории удмуртской литературы в рамках различных широкомасштабных проектов по истории литературы народов России (например, по темам «История литературы Урала», «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой половины XX века») появилась настоятельная необходимость в поисках новых материалов и источников, касающихся раннего периода истории удмуртской литературы, с одной стороны, и пересмотра прежних взглядов на некоторые уже известные материалы (например, на удмуртские стихи XVIII века) – с другой. В связи с этим удмуртские филологи снова возвращаются к лингвистическому анализу и литературоведческой интерпретации переводных удмуртских текстов второй половины XIX столетия: евангелий, различного рода библейских сюжетов, молитв, притч, а также произведений

классиков русской литературы и т. п. Однако удмуртские тексты, которые обильно введены в учебники и методические пособия для удмуртских школ, составленные инспектором народных училищ Елабужского уезда Вятской губернии В. А. Ислентьевым, оказались за пределами внимания удмуртских филологов – историков литературы. Цель настоящей работы – обратить внимание на разнообразные по содержанию и жанровому составу тексты на русском и старославянском языках, вполне адекватно в смысловом и грамматно в языковом отношении переведенные на южный диалект удмуртского языка В. А. Ислентьевым и его помощниками и консультантами.

Материал и методика исследований. Исследование, которое проводилось на материале трех известных книг В. А. Ислентьева по удмуртоведению, имеющихся в распоряжении удмуртских ученых республики, имеет скорее информативный характер, нежели аналитический. Перед автором статьи в качестве важнейшей стояла задача не столько сообщить читателям сведения об ученом и анализировать его методические пособия, сколько представить извлеченные из этих книг тексты и их переводы в точном воспроизведении.

Результаты исследований и их обсуждение. Инспектор народных училищ Елабужского уезда Владислав Алексеевич Ислентьев – педагог, методист, просветитель, языковед, переводчик, имевший представление о многих языках Поволжья и Сибири: удмуртском, коми, чувашском, мордовском, якутском, татарском, марийском. Однако вплоть до настоящего времени его имя остается в удмуртской гуманитарной науке почти в полном забвении:

1) удмуртские ученые не знают ни его национальности, ни времени и места рождения и смерти: «(г. и место рожд. неизв.)» [32, 376], «Даты рождения и смерти автору неизвестны. По некоторым источникам указывается год рождения 1862» [33, 66];

2) специалисты не имеют в своем распоряжении полного списка его трудов вообще и в области удмуртоведения в частности. Так, научная библиотека Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН в настоящее время располагает лишь следующими книгами (не все, к сожалению, в полном объеме): «Учебникъ русскаго языка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда» [14]; «Букварь и Первая учебная книжка для вотяковъ Елабужскаго уѣзда» [15] и «Руководство къ преподаванію грамоты и русскаго языка по букварю, первой учебной книжкѣ и учебнику для вотяковъ» [16]. Судя по очерку Г. Д. Фроловой, В. А. Ислентьеву принадлежат также следующие учебно-методические пособия: «Словесные и письменные упражнения в русском языке» (Казань, 1877), «Письмо – чтение» (Казань, 1880), «Русский букварь и церковно-славянская азбука для народных училищ» (Казань, 1880), «Опыт методического руководства к преподаванию математики в народных училищах» (Казань, 1881), «Курс русского правописания» (Елабуга, 1886) [33]. В одной из своих книг для школ он пишет о себе самом и некоторых своих удмуртоведческих исследованиях: «Въ настоящее время производятся мною изысканія въ области грамматики вотскаго языка и обрабатываются словари: вотско-русскій (около 5.000 словъ), сравненный съ языками – татарскимъ и черемисскимъ, русско-вотскій объяснительный (болѣе 15.000 словъ) и славяно-вотскій. Къ первому изъ словарей будетъ приложено “Пособіе къ систематическому изученію вотскаго языка”» [16, 160]. Однако его удмуртско-русский и русско-удмуртский словари, относительно недавно обнаруженные в Финляндии [20], остались лишь в рукописи, судьба же двух других названных им работ нам не известна: они, возможно, и не были составлены. Также трудно

всерьез приписать В. А. Ислентьеву «Краткій славяно-вотскій словарь» [22], изданный анонимно в 1892 году для «казанских» (а не «селабужских») удмуртов с использованием «гавриловской» (а не «ислентьевской») графики;

3) краткий очерк о научно-педагогической деятельности В. А. Ислентьева, опубликованный Г. Д. Фроловой [33, 66–75], а также небольшая брошюрка, посвященная поискам рукописных лексикографических трудов В. А. Ислентьева и изданная крайне малым (всего 100 экз.) тиражом [20], явно недостаточны для пропаганды в республике и за ее пределами этого незаслуженно забытого педагога-просветителя и филолога конца XIX столетия;

4) имя этого ученого, находившегося у истоков лингводидактики, определенного этапа истории удмуртского языкознания и удмуртской литературы, не значится и в таких серьезных обобщающих исследованиях, как «Az udmurt irodalom története» («История удмуртской литературы») П. Домокоша [36], «К вопросу о становлении жанров удмуртской литературы дооктябрьского периода» и «Югдытсьёс» («Просветители») А. Н. Уварова [29], [31]; одной-единственной фразой упомянуто в двухтомной «Истории удмуртской советской литературы» [18, 42]. Труды В. А. Ислентьева не удостоиваются внимания даже в работах по конкретным проблемам, освещаемым рядом отечественных и зарубежных исследователей. К примеру, историю изучения синонимов удмуртского языка языковеды И. В. Тараканов [27, 176] и В. М. Вахрушев [7, 19] начинают с работ И. В. Яковлева «Сравнительный словарь удмуртских диалектов» [34] и М. И. Ильина «Значение вотского языка и его красочность» [13], хотя по большому счету именно В. А. Ислентьев, на наш взгляд, впервые обратил самое серьезное внимание на теоретическое осмысление и практическое использование синонимов в текстах на удмуртском языке. В изданном в 1991 году собрании 96 вариантов перевода молитвы «Отче наш» на 21 уральский язык, которое было составлено Жигмондом Неметом, содержится, к примеру, 4 варианта перевода на ливский язык, 3 – на вольский, 22 – на саамский, 4 – на эрзя-мордовский, 4 – на марийский, 7 – на коми-зырянский, а на удмуртский – всего лишь 3 [37, 20–26, 32–57, 60–71, 75–77]. Объяснение такого факта кроется не столько в том, что вариантов перевода данной христианской молитвы на удмуртский язык было всего три, сколько в том, что составитель вышеназванной коллекции по какой-то причине затруднился просмотреть ряд ранних переводных изданий евангелий на удмуртском языке, содержащих также и молитву «Отче наш». Венгерский ученый не использовал удмуртский текст известной молитвы и из методических трудов рассматриваемого ученого [14, 121–122], [15, 244], поскольку они до сих пор не вовлечены в современный научный оборот.

Из широкого круга проблем удмуртской филологии, затронутых В. А. Ислентьевым при создании им учебно-методических пособий по удмуртскому и русскому языкам для удмуртских школ, – вопросов лингводидактики, различных отраслей удмуртского языкознания (фонетики, лексикографии и лексикологии, морфологии, синтаксиса) и переводческой деятельности, в данной работе считаем возможным и целесообразным обратить внимание лишь на, казалось бы, маргинальное, попутное – литературно-творческое – направление его деятельности, неразрывно связанное с переводческой [21].

В 80-х – начале 90-х гг. XIX столетия, когда В. А. Ислентьев опубликовал огромное для своего времени собрание переводных текстов на удмуртском языке с параллельными оригиналами на русском и/или церковнославянском языках [14, 141–250] (самое большое количество текстов!), [15, 120–123, 130–132], [16, 57–59, 137–146], удмуртская читающая публика имела в своем распоряжении весьма небольшое количество печатных материа-

лов для чтения на родном языке, представляющих собой: 1) религиозные тексты, переведенные в конце 40-х–80-х гг. XIX века (см., например, [9], [10], [11], [26] и ряд др.); 2) азбуки и буквари, имеющие в своем составе определенное количество связанных текстов различного содержания ([1], [2], [4], [5], [6] и др.); 3) образцы удмуртской народной словесности, опубликованные в виде отдельных книг или в составе различных периодических изданий ([3], [8], [24], [35], [38], [39] и др.); 4) первое оригинальное стихотворение на удмуртском языке, опубликованное Г. Е. Верещагиным (1889). Однако многие из них, опубликованные за пределами нашего региона и большей частью в труднодоступных для читателей печатных органах, к тому же не всегда в точной записи (ср.: [24], [3]), а некоторые издания – еще и в транскрипции на латинской графической основе (ср.: [35], [38]), естественно, не доходили до рядовых удмуртских читателей.

И в такой социокультурной обстановке появление учебно-методических пособий В. А. Ислентьева, которые содержат не только огромное количество правильно и красиво составленных предложений, предназначенных для закрепления грамматических тем и правил, но и значительный корпус переводных текстов беллетристического, исторического, назидательного содержания и характера (стихотворений, басен, рассказов из бытовой жизни, новелл, библейских историй, притч, поучений и пр.), разумеется, существенно расширило круг материалов для чтения учащимися-удмуртами или просто любителями печатного слова в конце XIX века (а они, судя по данным А. Н. Уварова, относящимся, правда, к более позднему времени, действительно были [29, 10]), временно возмещая собой отсутствие произведений оригинальной художественной литературы на удмуртском языке.

О той небольшой части произведений русской литературы и народной словесности, включенных В. А. Ислентьевым, к примеру, в учебное пособие «Учебникъ русскаго языка для вотяковъ...», им самим сообщается следующее: «Изъ статей хрестоматіи (автор так называет отделы II и III своей же книги «Учебникъ русскаго языка...» [14, 141–250]) предлагаются для заучиванія наизусть – народный гимнь, 14 стихотвореній, 2 басни и одна статья въ прозѣ, именно: *стихотворенія* – Утромъ (Одоевскаго), Перелетная птичка (Жуковскаго), Беззаботная птичка (Пушкина), Христось Воскресе (изъ Волжск. Вѣстника), Излѣтнѣвшійся крестьянинъ (Кольцова), Зима (Никитина), Боже, Царя храни (Жуковскаго, с. 151), Всеночная (Аксакова), Зимняя ночь въ деревнѣ (Никитина), Монастырь (Козлова), Пахарь и его лошадка (Кольцова), Нива (Жадовской), Урожай (Кольцова) и Жаворонокъ (Жуковскаго); *басни* – Дикій Цвѣтокъ и Двѣ Мухи, *басня въ прозѣ* – Воронъ и Сорочка (Ушинскаго). Кромѣ того, полезно будетъ заучить наизусть, съ переводомъ на вотскій языкъ, слѣд. пословицы и поговорки: При солнышкѣ тепло, при матери добро (145 с.); Съ огнемъ не шути: от искры сырѣ боръ загорается; Праздность есть мать пороков (146 с.); Жалѣй Божье созданье, и тебя пожалѣють (147 с.); Будь голъ, да не воръ; будь бедѣнь, да честенъ (148 с.); Безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море; Учись доброму, такъ худое на умъ не поидеть (149 с.); Зла не помни, добра не забывай (161 с.); Кто рано встаетъ, тому богъ подаетъ (163 с.)» [16, 137].

Не имея возможности в данном небольшом «рекламном» очерке судить о языковых достоинствах (и недостатках) и литературных ценностях удмуртских переводов В. А. Ислентьева, считаем необходимым все же представить на суд читателей некоторые из образцов переводных вещей в виде Приложения к данной работе (см. в конце статьи).

К сожалению, достаточно обширный текстовый материал, включенный во все три книги В. А. Ислентьева (пожалуй, никто из представителей интеллигенции XIX века не предложил удмуртскому читателю такое обилие переводных текстов как светского, так и религиозного содержания), еще не оценен удмуртским литературоведением по достоинству. Не принять же за истинную оценку единственное замечание, вскользь высказанное в двухтомной «Истории удмуртской советской литературы», и то лишь в связи с творчеством И. С. Михеева: «Кроме кратких изречений и поучений с социально-познавательными и воспитательными элементами, которые были и у предшественников, например, у В. А. Ислентьева, И. С. Михеев включает в буквари загадки, поговорки и песенки» [18, 42]; или же хвалебное слово в полстраницы о его «Букваре и первой учебной книжке», куда включено «немало удмуртских поговорок, поучительных сентенций умудренных опытом людей» [30, 6–7]. Не находит упоминания имя В. А. Ислентьева и в новейших литературоведческих исследованиях, касающихся дореволюционного периода удмуртской словесности, в частности, в двух последних работах А. В. Камитовой: в главе «Роль переводов русскоязычных сочинений в формировании литературных практик на удмуртском языке (XVIII–XX вв.)» коллективной монографии о становлении и первоначальном развитии пермских литератур [25, 157–178] и в статье «Роль переводных сочинений XIX века в становлении жанров удмуртской литературы» [18].

В первой работе, например, говоря о публикациях переводных текстов на удмуртском языке в начале и середине XIX века, автор упоминает, естественно, три азбуки как книги, содержащие тексты на удмуртском языке: азбуки на глазовском и сарапульском наречиях 1847 г. [1], [2] и азбуку, составленную Н. Н. Блиновым [4], ибо эти издания по своему назначению были, разумеется, наиболее доступными для удмуртских читателей [25, 163–167]. Что касается второй половины XIX века, когда «процесс развития удмуртской литературы был связан с постепенным проникновением в таинственную глубину Христова учения, овладением его философским сознанием и языковыми богатствами церковных текстов», в учебно-педагогической литературе «продолжают публиковаться “Рассказы из священной истории” и молитвы на русском языке с параллельным переводом на удмуртский язык». И что самое важное с позиций развития удмуртского литературного процесса – авторы учебников и букварей этого периода активно включают в свои учебно-методические издания переводы произведений (или их отрывков) русских поэтов А. Пушкина, В. Жуковского, А. Плещеева, А. Кольцова, Н. Грекова, А. Фета, И. Шмелева, К. Ушинского и др. [25, 167]. Однако по работе А. В. Камитовой трудно выяснить, включен ли В. А. Ислентьев в число авторов-составителей учебников для удмуртских школ. Скорее всего нет, поскольку: 1) в ее работе не только не упомянуто имя В. А. Ислентьева, хотя названы имена Стефана Анисимова, Афанасия Шкляева, Иоанна Анисимова, Григория Решетникова, которые перевели «Начатки христианского учения, или краткую священную историю и краткий катехизис», включенные впоследствии в азбуки 1847 г.; 2) но и не приведены названия его трудов в списке литературы («Азбука» Н. Н. Блинова там значится).

Во второй работе А. В. Камитовой сообщается: «Особое место в культурной и интеллектуальной жизни новокрещенных занимала переводная литература. Основными объектами письменного перевода народов Поволжья и Приуралья становятся религиозные тексты», а также «в переводной практике преобладали церковные жанры» [19, 284–285]: *молитва церковная, биография, притча, рассказ о чуде, стихотворение в прозе, житие* и др. Однако автор статьи, увлекшись преимущественно переводами текстов цер-

ковного характера, упустил из виду следующее: во-первых, во второй половине XIX века (в особенности в конце его) для перевода с целью включения в учебные пособия отбирались не только церковные тексты (хотя они преобладали, в особенности в начале и середине столетия), но и большое разнообразие светских произведений русских писателей и поэтов XIX в., о чем недвусмысленно свидетельствует солидный корпус переводных текстов в учебно-методических пособиях В. А. Ислентьева; во-вторых, на фоне последних публикаций выявляется, что количество литературных жанров, которые постепенно проникали в удмуртскую литературу через такие переводы, было значительно больше, чем они перечислены в рассматриваемой статье А. В. Камитовой, – к ним относятся еще и *стихотворение*, *басня*, народная и библейская *паремия*, (бытовой) *рассказ*, естествен-но-научный *очерк* просветительского характера и ряд других.

Особый интерес, кажется, представляют стихотворения, переведенные с русского языка на удмуртский в нескольких видах: 1) в стихотворной форме (см.: «[Бо́же, Царя́ храни́!]]» / «*Иньмаре, Эксэймес уть!*» – (1) в Приложении к данной статье); 2) в весьма близком по своей форме к стихотворению (см.: «Христóсь Воскрéсь» / «*Христос улзиз*» – (3); «Излѣнивѣшійся крестьянинъ» / «*Азьтэмдем кресян*» – (6)); 3) в прозе (см.: «Двѣ мухи» / «*Кык кут*» – (12); «Жаворонокъ» / «*Турагай*» – (14)); 4) в сочетании стихотворной формы с прозой (см.: «[Бо́же, Царя́ храни́!]]» / «[*Иньмаре Эксэймес уть!*]» – (9)). Такое разнообразие передачи стихотворного текста оригинала в переводах на удмуртский язык свидетельствует, на наш взгляд, о том, что уже в 80-е гг. XIX столетия, спустя более века после появления первых двух удмуртских стихотворений в 1769 и 1782 гг., свидетельствовавших о том, «что и на удмуртском языке можно писать, читать и, следовательно, создавать литературные произведения» [29, 7], возобновились весьма активные попытки в стихотворном выражении поэтической мысли и чувств на удмуртском языке, которые в итоге нашли блестящее воплощение в произведении «Чагыр, чагыр дыдыке», опубликованном Г. Е. Верещагиным в 1889 году.

Более чем прохладное отношение к переводной беллетристике В. А. Ислентьева со стороны исследователей удмуртской литературы, кажется, можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, литературные произведения В. А. Ислентьева – подборка материалов из самых различных источников для включения в учебные пособия и перевод их на удмуртский язык – были впоследствии опубликованы в таких «невзрачных» изданиях, как букварь и учебные пособия по русскому языку для удмуртских детей младших классов и учителей, что «серьезные» филологи-удмуртоведы могли и не обратить своего внимания на них. (Справедливости ради заметим, что мы и сами долгое время находились в плену подобного заблуждения).

Во-вторых, все связные тексты на удмуртском языке в учебниках В. И. Ислентьева не оригинальные, а переводные, заимствованные из христианской литературы и у русских авторов. Однако хотелось бы напомнить читателям и исследователям весьма простую истину: абсолютное большинство молодых национальных литератур при своем возникновении и начальном этапе развития обильно пользовались и пользуются переводами с других языков. В одном из учебников по древнерусской литературе пишется: «Рассмотрение древнерусской литературы старшего периода мы начинаем с обзора литературы переводной. Это не случайно: переводы в XI–XII вв. в ряде случаев предшествовали созданию оригинальных произведений того же жанра. В целом Русь стала читать чужое раньше, чем писать свое. Но не следует видеть в этом какое-то свидетельство “неполноценности”

культуры восточных славян. Все европейские средневековые государства “учились” у стран, наследниц многовековой античной культуры Древней Греции и Рима. Для Руси важнейшую роль в этом отношении сыграли Болгария и Византия» [17, 36]. В другом – новейшем – учебнике древнерусской литературы первый же раздел главы I так и звучит: «Переводная литература и ее значение в истории русской культуры», в котором отмечается, что с принятием христианства на Русь пришла большая книжная продукция, переведенная с греческого языка болгарскими книжниками (большой частью). И далее: «Близость книжного (старославянского – *В. К.*) и разговорного (древнерусского – *В. К.*) языков, безусловно, способствовала интенсивному литературному строительству, ускоренному процессу развития литературы Киевской Руси» [28, 28–29]. Также и первый стихотворный памятник венгерской литературы «*O-magyar Mária-siralom*» («Ранневенгерский плач Марии») был составлен на рубеже XIII–XIV вв. как «свободная стихотворная обработка средневековой темы латинских стихов» [23, 17–18]. Применительно к истории удмуртской литературы финно-угровед П. Домокош, высоко оценивая значение переводной литературы, писал: «<...> переводы уже несут в себе самостоятельную функцию, в известной мере литературу подготавливают, уточняют и обогащают язык, устанавливают рамки литературных жанров и дают вдохновение, стимул и пример. Поэтому и непонятно, что историки литературы не признают этот ранний период истории своей литературы. <...> этот период исключается из области исследования, хотя ему мы обязаны созданием письменности и ее технической подготовки, и он в процессе культурного развития является предпосылкой для более высокой ступени» [12, 173]. В свете вышеприведенных примеров и цитат весьма странно, что удмуртское литературоведение до сих пор обходит своим вниманием солидный корпус переводных текстов XIX – начала XX века, в том числе и беллетристику В. А. Ислентьева как факт удмуртской литературы и профессиональной культуры на первоначальном этапе их развития.

В-третьих, В. А. Ислентьев, вероятно, владел удмуртским языком не в совершенстве, и переводы текстов с русского и церковнославянского языков на удмуртский, как он сам признается, в итоге уточнялись и улучшались другими лицами: «Переводы помещенных въ учебникѣ упражненій и статей сдѣланы подѣ моимъ руководствомъ, учителями изъ вотяковъ – Василиемъ Семеновымъ, окончившимъ курсъ учительской семинаріи, и Иваномъ Павловымъ, хотя и не имѣющимъ званія учителя (обучаетъ въ церковно-приходской школѣ), но опытнымъ въ переводахъ и хорошо говорящимъ по-русски. Переводы же молитвъ и болѣе трудныхъ мѣстъ изъ Евангелія были проверены при помощи священника изъ с. Можги о. Іоанна Люперольскаго, охотно согласившагося принять участіе въ составленной мною комиссіи для провѣрки и исправленія нашихъ работъ» [14].

Эти слова вроде бы могли быть веским аргументом в пользу игнорирования (против признания) определенной роли В. А. Ислентьева в удмуртском литературном процессе в 80-е гг. XIX века. Однако при этом хотелось бы обратить особое внимание на следующее обстоятельство: независимо от того, какую долю участия принимал сам В. А. Ислентьев, а какую его коллеги и консультанты в подборе, составлении и переводе текстов на удмуртский язык с целью включения их в учебные пособия, несомненно одно: не будь его самого, не было бы и учебников, не было бы нужды в переводчиках и переводах, которые (переводы) – при почти полном отсутствии удмуртских оригинальных художественных произведений и достаточного количества изданных текстов удмуртского фоль-

клора – пропагандировали бы в среде читающей публики тексты различного характера и содержания на удмуртском языке. Кроме того, переводные тексты, как известно, имели еще и важное культурно-историческое значение: они способствовали «процессу возникновения удмуртской литературы, связанному с явлением трансплантации», который завершился в конце XIX века, поскольку в годы первой русской революции в литературу пришли уже новые авторы, «осознавшие служение народу делом жизни» [29, 11]. И полностью умалчивать роль В. А. Ислентьева в создании в конце 80-х гг. XIX века «читива» на удмуртском языке, а по существу, его определенного вклада в начальный этап истории удмуртской литературы, было бы не совсем объективно и справедливо. По крайней мере, сам факт наличия значительного корпуса литературно обработанных переводных текстов на удмуртском языке, введенных в читательский оборот в конце 80-х гг. XIX века, кем бы они ни были составлены, требует не только лингвистической оценки, но и литературоведческой интерпретации.

Резюме. В заключение хотелось бы предложить нашим литературоведам обратить более серьезное внимание на переводные тексты на удмуртском языке, которые были включены в учебники и методические пособия, составленные В. А. Ислентьевым, при исследовании истории раннего периода удмуртской литературы. Эти работы В. А. Ислентьева, имеющиеся в республике в единственных экземплярах, заслуживают не только использования в аналитических и/или обобщающих исследованиях в области удмуртской филологии, но и стереотипного переиздания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азбука*, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи. (По Глазовскому). – Казань : Б. и., 1847. – 174 с.
2. *Азбука*, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи. (По Сарапульскому). – Казань : Б. и., 1847. – 192 с.
3. *Багинъ С.* Свадебные обряды и обычаи вотяковъ Казанскаго уѣзда. (Этнографическій очеркъ) // Этнографическое обозрѣніе. – 1897. – № 2. – С. 59–92.
4. *Блиновъ Н. Н.* Лызонь. Азбука для вотскихъ дѣтей. – Вятка : Тип. Губерн. Правленія, 1867. – 24 с.
5. *Букварь* для Вотяцкихъ дѣтей Сарапульскаго уѣзда. – Казань : Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1882. – 23 с.
6. *Букварь* для крещеныхъ Вотяковъ. – Казань : Б. и., 1875. – 37 с.
7. *Вахрушев В. М.* Лексические синонимы в удмуртском языке // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка : сб. ст. – Ижевск, 1990. – С. 19–38.
8. *Гавриловъ Б.* Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. – Казань : Б. и., 1880. – 189 с.
9. *Господа* нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. Евангелистовъ Матѣя и Марка, на русскомъ и вотякскомъ языкахъ // Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречіе. – Ижевск, 2003. – 560 с.
10. *Господа* нашего Иисуса Христа Евангеліе отъ св. Евангелиста Матѣя, на русскомъ и вотякскомъ языкахъ // Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречіе. – Ижевск, 2003. – 441 с.
11. *Господа* нашего Иисуса Христа святое Евангеліе отъ Матѣя. Милям Господь Иисус Христослэн чшн Евангеліез. Матѣй гожтэм Евангеліе. – Казань : Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1877. – 82 с.
12. *Домокош П.* История удмуртской литературы / пер. с венгерского В. Васовчик. – Ижевск : Удмуртия, 1993. – 448 с.
13. *Ильин М. И.* Значение вотского языка и его красочность // Труды научнаго общества по изученію Вотскаго края. Вып. 3. – Ижевск, 1927. – С. 3–24.

14. *Ислентьев В. А.* Учебник русского языка для вотяков Елабужского уезда. – Елабуга : Б. и., 1888. – 254 с.
15. *Ислентьев В. А.* Букварь и Первая учебная книжка для вотяков Елабужского уезда. – Казань : Б. и., 1889. – 136 с.
16. *Ислентьев В.* Руководство къ преподаванію грамоты и русскаго языка по букварю, первой учебной книжкѣ и учебнику для вотяковъ : в 2 ч. – Казань : Б. и., 1889. – 146 с.
17. *История* русской литературы X–XVII веков. – М. : Просвещение, 1980. – 462 с.
18. *История* удмуртской советской литературы : в 2 т. Т. 1. – Устинов : Удмуртия, 1987. – 251 с.
19. *Камитова А. В.* Роль переводных сочинений XIX века в становлении жанров удмуртской литературы // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков : сб. ст. – Ижевск ; Будапешт, 2015. – С. 284–293.
20. *Кельмаков В. К.* Неизвестная страница истории удмуртского языкознания. Рукописный словарь удмуртского языка Владислава Ислентьева : материалы к спецкурсу. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 1999. – 59 с.
21. *Кельмаков В. К.* Некоторые особенности удмуртской фонетики в методических трудах В. А. Ислентьева // Типологические аспекты многоязычия в современном образовательном пространстве : сб. ст. – Ижевск, 2011. – С. 95–101.
22. *Краткій* славяно-вотскій словарь: Посobie къ чтенію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта. – Казань : Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1892. – 70 с.
23. *Майтинская К. Е.* Венгерский язык : в 3 ч. Ч. 1: Введение. Фонетика. Морфология. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 304 с.
24. *Первухинъ Н.* Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизъ III: Слѣды языческой древности въ образцахъ произведеній устной народной поэзіи вотяковъ (лирическихъ и дидактическихъ). – Вятка : Б. и., 1888. – 82 с.
25. *Пермские* литературы в контексте финно-угорской и мировой культуры и русской словесности / науч. ред. Т. А. Снигирева, Е. К. Созина. – Екатеринбург ; Ижевск ; Сыктывкар : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. – 556 с.
26. *Священная* Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта. На Вотяцкомъ языкѣ. – Казань : Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1877. – 190 с.
27. *Тараканов И. В.* О лексических синонимах в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания : сб. ст. и материалов. Вып. 2. – Ижевск, 1972. — С. 176–195.
28. *Травников С. Н., Ольшевская Л. А.* История русской литературы. Древнерусская литература : учебное пособие для вузов. – М. : Дрофа, 2007. – 510 с.
29. *Уваров А. Н.* Гуманистический пафос книг для чтения удмуртских просветителей конца XIX – начала XX в. // Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора : сб. ст. – Ижевск, 1984. – С. 5–16.
30. *Уваров А. Н.* К вопросу о становлении жанров удмуртской литературы дооктябрьского периода // Об истоках удмуртской литературы : сб. ст. – Ижевск, 1982. – С. 5–51.
31. *Уваров А. Н.* Югытӱсьёс: Удмурт литературалэн кылдэмез сяръсь очеркӱс. – Ижевск : Тодон, 1994. – 96 б.
32. *Удмуртская* Республика : энциклопедия. – Ижевск : Удмуртия, 2000. – 800 с.
33. *Фролова Г. Д.* Просветители удмуртского народа. Очерки развития педагогической мысли. – Ижевск : Удмуртия, 1996. – 224 с.
34. *Яковлев И. В.* Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кыльёссэс валэктӱсь книга. (Сравнительный словарь удмуртских диалектов). – Казань : Б. и., 1924. – 82 с.
35. *Aminoff T. G.* Wotjakilaisia kielinäytteitä // JSFOu. – 1886. – №1. – S. 32–55.
36. *Domokos P.* Az udmurt irodalom története. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 1975. – 550 l.
37. *Németh Zsigmond.* 96 gleiche Texte in uralischen Sprachen (Vaterunser). – Szombathely, 1991. – 103 s.
38. *Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. – Budapest, 1887. – 335 l.
39. *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben. – Helsingfors, 1893. – 200 s.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из более чем сотни переводов, включенных в три учебно-методических пособия В. А. Ислентьева, для данной работы выбраны тексты, наиболее интересные и разнообразные как по жанровому составу, так и по содержанию. Русский оригинал и удмуртский перевод расположены рядом в том порядке, в каком они представлены в книгах – или в одной и той же, или в различных по времени издания. Заголовки к текстам сохранены авторские. Если же текст в публикациях В. А. Ислентьева дан без заголовка, то в качестве него взята первая строчка или часть ее, заключенные в квадратные скобки. Как в оригинальных текстах, так и в их переводах по возможности сохранены авторские графика, орфография и пунктуация, вплоть до некоторых ошибок и опечаток. Ударение в словах поставлено так, как оно стоит в русском или иногда в удмуртском текстах (лишь на гласной н/н ударение по техническим причинам не отмечено). Для удобства чтения и пользования материалами удмуртский текст переведен на курсив. Номера текстов, заключенные в круглые скобки, принадлежат автору данной работы.

(1) [Иньмаре, Эксэймес уть!]

*Иньмаре, Эксэймес уть!
Кужмо Эксэй, милемыз возись,
Эксэйын-ул ачямель данэ потмон!
Эксэйын-ул дышмонъёслы курдамон,
Иньмарлы шонер оскись Эксэймы!
Иньмаре, Эксэймес уть!*

[15, 119]

(1) [Боже, Царя храни!]

*Боже, Царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу намъ!
Царствуй, на страхъ врагамъ,
Царь православный!
Боже, Царя храни!*

(2) Добрая Настя

Дали Насъ большую сладкую рѣпу. Она не хотѣла ѣсть одна, и отнесла своей подругѣ Сонѣ: онѣ бѣли вмѣстѣ.

[14, 144]

(2) Дзеч, мылокыдо Настя

*Настялы бадзьым чяескыт сярчы сѣтгызы.
Огналэн солэн сѣмез ѓз поты но нуиз Соня эшез-
лы: соос сѣизы валсе.*

(3) Христось Воскресь!

*Христось Воскресь! ... Ликують люды,
И громко ангелы съ небесъ
Поють торжественную песню:
«Христось Воскресь! Христось Воскресь!»*

[14, 145]

(3) Христос Улиз!

*Христос уллиз! ... калык цумпотэ,
Иньмисен ангельёс туж куараё
Кырзяло орчыт данлы кырзянэз:
«Христос уллиз! Христос уллиз!»*

(4) Бѣдная вдовѣ

Къ окну подошла бѣдная жѣнщина съ четырьмя дѣтьми. Подай ей, сколько можешь; у нѣя нѣтъ куска хлѣбка, а дѣти просятъ ѣсть.

[14, 145]

(4) Куанер пал-кышно

*Укно доры лыктъиз ньль-кузя нылтѣныз
куанер кышно-мурт. Сѣт солы кемидья: солэн
одыг юдэс-но нянез свл, нылтѣсыз бон сѣон куро.*

(5) Насѣдка

Нанесла курица яйчекъ и стала клохтатъ. Хозяйка посадила её на яйца, и насѣдка скоро вывела цыплятъ.

[14, 145]

(5) Пукись курег

*Курег трос пузас но кучыктыны кутськыз.
Кузѣ-кышно пуктъиз сое пузѣсыз вылэ но со чяля
чяипыёс поттъиз.*

(6) Излѣнившійся крестьянинъ

*Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Всѣ сосѣди твой
Работаюгъ давно!
Встань, проснись, подымись,
На себя, погляди:
Что ты былъ и что сталъ?*

(6) Азѣтэмем кресян

*Малы изиськод тон, воргорон?
Педлон тулыс ингы;
Тынад вань-съкавынѣсыд
Кемалась уджало.
Султы, сазьяськы, джутськы,
Астэ ачид учкы:
Мар вал тон но мар луид?
Но маид вань-на тынад?*

И что ёсть у тебѣ?
Праздность есть мать пороковъ.

[14, 146]

(7) Птички-сиротки

Птичка искала корму для своихъ маленькихъ дѣтокъ. Увидала её злой мальчишка и подшибъ камнемъ. Настала холодная ночь, и бѣдные птѣнчики умерли отъ холоду и съ голоду.

Жальи Божье созданье, и тебя пожалуютъ.

[14, 147]

(8) Братъ и сестра

«Садись въ корзину!» – сказала братъ сестрѣ, – «я тебя покатаю».

– Мнѣ не хочется: вотъ развѣ покататъ кошку и куклу! – Садитесь, мой милыя! сказала сестра, и сама сѣла въ корзину.

И братъ весело каталъ ихъ всѣхъ по комнатѣ. Потомъ сестра катала брата.

Такъ дѣти играли до вечера, помолились Богу и легли спать.

Старому хочется отдыхать, а молодому играть.

[14, 150]

(9) [Боже, Царя храни!]

*Боже, Царя храни!
Славному долгие дни
Дай на земли!
Перводержавную
Русь православную
Боже храни!
Слава Богу на небѣ, слава!
Государю нашему на всей землѣ слава!*

[14, 151]

(10) Мальчикъ и пчела

Мальчикъ пошелъ со своимъ отцомъ въ садъ. Тамъ онъ увидѣлъ пчелу, запутавшуюся въ паутинѣ. Паукъ уже приготовился вонзить свой ядовитый чѣлюсти въ тѣло бѣднаго насѣкомаго, но мальчикъ разорвалъ сѣти хищника и освободилъ пчелу.

[14, 151]

(11) Вода

Безъ воды не можетъ жить самое маленькое насѣкомое; не можетъ расти самая маленькая травка. Въ безводныхъ мѣстахъ виденъ только камень да песокъ. Такія мѣста называются пустынями. Вода находится въ

Азытэммонъ вань уродлэн анаез (музиз).

(7) Огнязы кылем тлобурдо-пюс

*Ас пици пюсызлы тлобурдо сюн утча вал.
Сое адзиз жоб пи чи-пи но изэн еттыса вииз. Уй кезыт луиз но со кезытэн но сюмаса куанер тлобурдо-пюс кулыгызы.*

Иньмарлэсь сѣтэм лулзэ жала, но тонэ но жалазы.

[14, 147]

(8) Агаен-но сүзэрен

*«Пуксы карзинка!» шуиз агаез сүзэрезлы:
«мон тонэ нулло».*

– Мынам мылы уг поты: тани писез-но минѣез нуллоно-шат! – Пуксе мусоёсы! шуиз сүзэрез-но ачиз-но пуксиз карзинкае.

*Агаез шум-потыса нулгыз соёсыз коркан.
Сѣбѣре сүзэрез нулгыз агайзэ.*

Озы джытозь шудызы пинялѣс, Иньмарлы вссяскизы но изыны выдызы.

Пересълэн (мбйи муртлэн) чыдэчякемез (ял каремез) потэ, пиняллэн бон шудэмез.

[14, 150]

(9) [Иньмаре Эксэймес уть!]

*Иньмаре Эксэймес уть!
Данлылы эзельзэ кузь
Сѣт музѣм вылын!
Иньмарлы шонер оскисъ калыкѣсыныз
котъ кѣче кунлэн музѣмѣсызлэн бадзѣым но кужмо Россіяз, уть Иньмаре!*

Сыи-дан Иньмарлы иньвылын, сыи-дан!

а чмелэн Эксэймылы сыи-дан вань музѣм вылын!

[14, 151]

(10) Пичи-пи но муш

*Пичи-пи атаеныз садэ (мерттоэ) мынъиз.
Со отын чоңари вотосэ бинялчякем (тугаскъем) мушез адзем. Чоңари куанер лобась-кибилилэн мугораз виись-дыльдѣйе анѣссэ мерчытыны дачкем (тупатскем) вылэм инъи, но пичи-пи сьсылэсь востосѣссэ кесяз но мушез эрыке поттгыз.*

[16, 137]

(11) Ву

*Вутэк туж пичи кибилилэн но улэмез уг луы, туж пичи турымы-куарлэн но будэмез уг луы.
Вутэм интъюсын из-но луо-гынэ адске. Сыче интъюсыз буш-кыр шуо. Ву луэ куйвуосын, шурѣсын, тыюсын но мораосын. Мораосын вуэз кузля-*

колѡдцяхъ, рѣкахъ, озѣрахъ и моряхъ. Въ моряхъ вода горько-солѣная, въ рѣкахъ и озѣрахъ – прѣсная. Хорошая вода прозрачна, не имѣетъ ни запаха, ни вкуса. Отъ жару вода кипитъ и превращается въ парь, отъ холода замерзаетъ и дѣлается льдомъ.

[14, 156]

(12) **Двѣ мухи**

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ, а муха у него сидѣла на рогахъ, и муху же они дорогой повстрѣчали.

– Откуда ты, сестра? отъ этой былъ вопросъ. А та, поднявши носъ въ отвѣтъ ей говоритъ: „Откуда? мы пахали!“

[14, 162]

(13) **Воронъ и сорока**

Пѣстрая сорока прыгала по вѣткамъ дѣрева и безъ умолку болтала, а воронъ сидѣлъ молча. „Что жъ ты молчишь, куманѣкъ? или ты не вѣришь тому, что я тебѣ рассказываю?“ спросила наконецъ сорока.

– Плохо вѣрю, кумушка, отвѣчалъ воронъ: кто такъ много болтаетъ, какъ ты, тотъ навѣрно много врѣтъ.

[14, 162]

(14) **Жаворонокъ**

На солнце тѣмный лѣсъ зардѣлъ,
Въ долинѣ парь бѣлѣтъ тонкій,
И пѣсно раннюю запѣлъ
Въ лазури жаворонокъ звонкій.
Онъ голосисто съ вышины
Поѣтъ, на солнышкѣ сверкая:
Весна пришла къ намъ молодая,
Я здѣсь пою приходъ весны;
Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радушно,
Такъ беспредѣльно, такъ воздушно...
Весь Божій миръ здѣсь вижу я,
И славить Бога пѣснь моя.

[14, 166]

(15) **Иньмарлэн дышетэм молитвазэ**

Иньмисъ Атаймы, Тынад ньымьд съслыктэм уджъёсынымы дано луса мед улоз; адзъыты милемыз иньдуньнедэ Тынъисътыд; Тынад эрыкедъя мед луоз музъем вылын но, иньмын сяинъик. Милемлы туннээз ортчяытыны няньмес сѣт; ми но пунэмен сѣтэммес кушитэм сяин, милесътымъ съдлыкмес бытты; съдлык пачякамлэсъ милемыз утялты, уродлэсъ но мозмыты.

[14, 244]

кузъыт, шуръёсын но тыосын шѡмотэм. Умой ву чылкыт луэ, номыр зымыз-но шѡмыз-но уг луы. Пссыын ву пѡзе но бус луэ, кезытэн кынме но йѡ луэ.

[16, 139]

(12) **Кык кут**

Уджам бераз чыдэчкыны гэрэныз кальен бертъисъ ошлэн сюр вылаз кут пуке вылэм, – но сюрес вылъисен соѣс нош кутэнъик пумисъкыльям. «Кытъисъ-али тон сузэр?» шуса юаз таиз. Соиз бон лѡптылыса (даннаяськыса) вера пумитяз: «Кытъисъ-не? ми гырим!»

[16, 141]

(13) **Кырныж но кочо**

Кучо кочо улвай вылъисъ улвай вылэ дугды-лытэк кычыртыса четча вал, кырныж-нош куареттэк пуке вал. «Малы уд кзаретъисъкы тон кум? оло уд текисъкы-а мар верасъко мон тыныд (мынам верамелы)? шуса юаз бератаз кочо.

«Туж уг ускъисъкы, кума», шуиз кырныж: «кинъке уно, тон сяин, сапальтэ, со кызыке-но уно ѡрекчасъке».

[16, 141–142]

(14) **Турагай**

Шунды шорын съѡд нюлэс стрдалэс луиз, нѣжалын векчи бус тѡды адске, лыз иньмын куараѣ турагай вазъ кырзян гурзэ кырзяны кусъкиз. Со шунды шорын долэкъяса вылъисен кылыськымон чирдэ: ми доры виль тулыс вуиз шуса, тулыслэсъ вуэмзэ (лыктэмзэ) мон татын кырзясъко (чирдъисъко); мынымъ макадъ капчи татын, макадъ шулдыр, макадъ котыр пумотэм, эркын; мон татын Иньмарлэсъ вань дуньнезэ адзисъко но, мынам кырзяме Иньмарез данья.

[16, 145]

(15) **Ѳтче нашъ**

Ѳтче нашъ, иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое; да прійдетъ царствіе Твое; да будетъ воля Твоя, яко на небесі, и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ; и остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; и не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго.

[15, 121–122]

(16) **Первые люди**

Перваго человека звали Адамомъ, а жену его Евою. У Адама и Евы было два сына: Каинъ и Авель. Каинъ занимался земледѣліемъ, а Авель пасъ овецъ. Однажды они приносили Богу жертву. Каинъ – отъ плодовъ земныхъ, а Авель – лучшую изъ овецъ своихъ. Но такъ-какъ Авель былъ добрый и приносилъ жертву свою съ вѣрою и усердіемъ, то его жертва была пріятна Богу; а Каинъ былъ человекъ злой и жертву свою приносилъ безъ усердія и вѣры, поэтому его жертва была не угодна Богу. Каинъ позавидовалъ брату, позвалъ его въ поле и тамъ убилъ. Богъ, чтобы обратить грѣшника къ покаянію, явившись, спросилъ Каина: Каинъ, гдѣ братъ твой Авель? А онъ отвѣчалъ съ дерзостью: «Развѣ я сторожъ брата моего!» Тогда Богъ сказалъ ему: „Что ты сдѣлалъ! Самая кровь брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. За это ты будешь проклятъ и будешь скитаться по землѣ“. Потомки Каиновы были люди злые и нечестивые.

Вмѣсто Авеля у Адама родился третій сынъ Сіевъ. Его потомки были добрые и благочестивые. Замѣчательные изъ нихъ: Энохъ, который за свою святость былъ взятъ живою на небо, Маѳусаилъ, который долѣе всѣхъ жилъ на свѣтѣ, именно 969 лѣтъ, и Ной, котораго Господь сохранилъ отъ потопъ.

(17) **[Арня ныналлѣсы...]**

Арня ныналлѣсы обедняэ Иньмарлы вссяськыны ветлы.

Арня нынал вссяськем понна удждэ Иньмар азыланьтэ.

*Обеднялэсь азьвыл табань эн си.
Муш-умортоёсыз толалтэ педло уг кельто.
Дзѣргыли туж уно кибилли быттэ.
Нокинено эн тэрга!
Тышкаськон поттонлэсь палэнкы.
Урод мурт дорисъ сзэйдэ вандыса кошкы.*

Умойке улод, кема улод.

*Номыре-но умой шонер тодтэк эн вера.
Муртлэсь кылзэ эн ваменты.
Гужем-ке бй лусал, адыми-но, пудо-но ситэк кул-сал.*

[15, 32]

(16) **Нырисъ адымиёс**

Иньмарлэн кылдытэм нырисъ адымиёзлэн ньымыз вал – Адам, солэн кышноэзлэн (бон) Ева. Адамен Еваэнлэн кык пизы вылэм: Каин но Авель. Каин музьем гыrsa улэм, Авель нош ыж пудо утыса. Одыгпол соёс Иньмарлы курбон ваильям. Каин музьем лемышез, Авель нош аслысьтыз быръем ыжзэ. Дзеч мылокыдо Авель ас курбонзэ дзеч мылынкыдын оскыса ваем, со понна солэн курбонзэ Иньмарлы кабыл луэм; Каин нош жоб-мурт вылэм но ас курбонзэ дзеч мылтэк–кыдтэк но оскытэк, со понна солэсь курбонзэ Иньмар кабыл басьтымтэ. Каин вынызлы вожъяськыса сое бусъиз чортъыз-но отын вѣиз. Иньмар Каинлэсь съблыкэмезлы тэльмыремзэ витыса но съблыкэз быттон понна юаз солэсь: Каин! кытын тынад Авель выныд? Со бон пужжитак вераз: „Мон возъмаса улгысько ама вынме!“ Сокры Иньмар вераз солы: „Мар турттуд тон? Тынад выныдлэн вѣрызлэн бѣрдэмез музьем выльысь Мон доры вуэ“. Та понна тон каргам мурт луод-но музьем вылын пыдъйылад калтыртыса ветлод. Каинлэн выжъиз жоб-муртёс но Иньмарлэн косэмезлы пумить улгысьёс выльыльям.

Авель иньтъиз Адамлы куиньметъи пѣз ворд(ы)ськыз – Силь. Солэн выжъиз дзеч мылокыдоэсь но Иньмар косэмъя улгысь муртёс выльыльям. Соос полысь ньымо даноёсыз выльыльям: Энох, свѣат улэмез понна улэпкын иньме басьтэмын; Маѳусаил – та дуньнейын котькинлэсь кема улэм, чапак 969 ар; Ной – Иньмарлэн вуэн быттыкыз утылтыса кельтэм муртыз.

[14, 177–178]

(17) **[По воскреснымъ днямъ...]**

Ходи по воскреснымъ днямъ къ обѣднѣ молиться Богу.

За воскресный день, въ который ты молишься, Богъ твою работу подвигаетъ впередъ.

До обѣдни лепешекъ не ѣшь.

Зимою на дворѣ ульевъ (съ пчелами) не оставляють.

Воробьи истребляютъ очень много насѣкомыхъ. Никого не осуждай! Отъ ссоры отстраняйся!

Поговорка: «Отъ худого человека отходи даже отрѣзавъ у себя полу» (если онъ тебя къ себѣ привлекаетъ).

Если будешь жить воздержно, проживешь долго. Не узнавши достоверно, ничего не рассказывай! Чужую рѣчь не перебивай!

Если бы не было лѣта, то люди и животныя умерли бы съ голоду.

[16, 42]